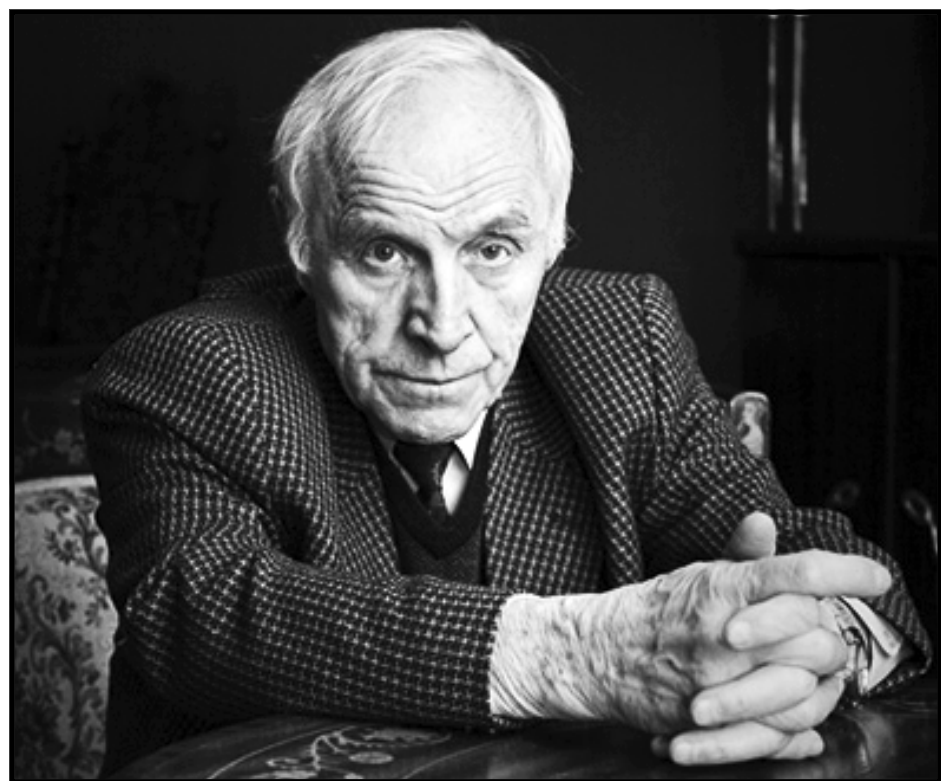

ГОРЯЧЕЕ СЕРДЦЕ «ВОРОШИЛОВСКОГО СТРЕЛКА»

Участники кинофестиваля «Московская премьера» почтили память замечательного человека и великого артиста Михаила Ульянова

У НЕЫНЕСНЕТНО кинофестиваля «Московская премьера» было два героя: Эльдар Рязанов, которому в ноябре исполняется 80 лет, и Михаил Ульянов — ему посвятили вечер памяти.

Среди участников — Владимир Этуш, Александр Михайлов, Александр Пороховщиков, Валерий Ахадов, Александр Филиппенко, Дмитрий Астрахан, Елена Шевченко и многие другие — те, кто работал с этим великим человеком.

Центральный Дом кино полон. Зрители — в основном, пенсионеры, творческая интеллигенция и работники бюджетной сферы. Одним словом, небогатые финансово, но богатые духовно люди. За кулисами собирается актерская гвардия, тут же репетируют музыканты ансамбля народных инструментов. Накручено жутко! Но никто не выходит — общаются, обнимаются, вспоминают Михаила Александровича...

Концерт задерживается — 15, 20 минут... Мы-то знаем: все ждет президента кинофестиваля Алексея Баталова, который напрочь застрял в пробке. Но к зрителям никто не вышел и не сообщил о причине задержки. В конце концов кто-то не выдерживает — начинает хлопать в ладоши и скандировать: «Позор! Позор!» Его охотно поддерживают остальные — за минуту единичные хлопки перерастают в гневные овации.

В апогей людского негодования, через 40 минут после заявленного времени, на сцену вышел полноватый мужчина — один из руководителей фестиваля. Бедный, чего он только не наслушался из зала: «Позор делягам!», «Такой великий актер, как Ульянов, не достоин такого отношения к вечеру его памяти!»...

В ответ, подойдя к микрофону, организатор промолвил: «А я думал, вы нам благодарны — за этот вечер». Будто опоминувшись, люди тут же замолчали. И дальше все пошло гладко: объявление гостей, их выход на сцену и теплые слова в адрес виновника печальной встречи.

Мы были рады встретить здесь нашего земляка — Валерий Ахадов, оказывается, был довольно близко знаком с Михаилом Ульяновым. Он вышел на сцену вместе с народным артистом страны Борисом Стругачевым.

— Знаете, что меня всегда удивляло, когда я заходил в театр Вахтангова, которым руководил Михаил Александрович, — спросил Валерий Бакиевич. — Возле дверей всегда встречала старушка-швейцар. Я говорил, что пришел к Ульянову, она вела меня несколько десятков метров — и передавала второй старушке. Та — третья. И только после четвертой или пятой я, наконец-то, оказывался в кабинете Михаила Александровича. Разумеется, интересовался, зачем ему столько персонала. А в ответ, вздыхая, Михаил Александрович говорил: «Я не могу их уволить — рука не поднимается». Так и работали они у него — десятками. Добрый был, человечный очень.

Ради пары теплых слов мэтры прибывали один за другим: кто помоложе — на собственных автомобилях, кто постарше — на такси, заказанных специально для фестиваля его организаторами. Владимира Абрамовича Этуша привезли на такси. Он знал Ульянова очень близко — они дружили, работали под крышей одного театра почти 50 лет... Было видно — ему тяжело присутствовать на вечере в честь старого друга: «Люди уходят — вот что страшно. Страшнее нету ничего», — печально, с грустным взглядом мудрых глаз, прекратил он расспросы журналистов и ушел в примерку, где его уже ждал Алексей Владимирович Баталов.

На сцене Этуш старался быть непринужденным — шутил и даже истории об Ульянове выбирал веселые. Но то и дело меж словами тяжело вздыхал да время от времени бросал взгляд на портрет Михаила Александровича, установленный на сцене сбоку от микрофона.

— Я помню Мишу еще совсем молодым, худощавым сибирским пареньком. Но какой талант в нем таился! Уже на четвертом курсе ему доверили сыграть Кирова — представляете, какое впечатление надо было произвести, чтобы в советское время тебе доверили роль одного из советских вождей! Миша был, мягко говоря, не солиден для такого важного человека. Так ему за щеки закладывали что-то вроде подушек, чтобы он казался полнее. Через годы, уже работая в театре в ведущих ролях, он начал приезжать на спектакли в ужасно грязных ботинках — уставший, вечно спать хотел. Оказывается, строил дачу: денег нанять работников не было, так он сам, дни напролет работал там. А вечером — спектакли, съемки, встречи... И никогда никому не пожаловался. Был членом партии и, как руководитель театра, вынужден был посещать разные политические заседания. И тоже, в общем-то, не делился впечатлениями. Но однажды не выдержал — рассказал, как стал свидетелем снятия одного высокого партийного босса. Тот сидел в президиуме и, разумеется, знал, что ожидает его в ближайшие минуты. Поэтому в какой-то момент встал сам и пошел прочь. «Подожди, — говорят ему вслед. — Проголосовать еще надо». Тот вернулся. «Ну, кто за то, чтобы вывести товарища такого-то из состава Политбюро?» Единогласно. «Ну вот, а теперь вы можете идти». И больше всего Мишу поразило то, что вот так просто, мановением чьих-то рук решилась судьба человека — он просто исчез. Навсегда. Я знал отца Миши, его мать и сестер — все это были очень хорошие, радужные сибирские люди — знаете, даже, говорят, характер есть такой — сибирский. Так вот, я думаю, таким характером обладал его отец — сдержанный, обстоятельный... А Миша был похож на мать — вспыльчивый, эмоциональный... Был несокрушимо, однозначно, непрекрасимо

всю жизнь влюблен в свою жену — и кроме нее, больше никого не видел. Человек добрый, душевный... Валера Ахадов был прав — не мог Миша уволить человека. И отчитать громко, по-начальничьи не мог. Даст совет тихим голосом, поговорит по душам... А вот наорать — никогда, хоть и был очень эмоциональным человеком. Нету его больше. И пропасть.

Мария Аронова — актриса, работавшая с Ульяновым — еще в институте начала работать в театре Вахтангова под его руководством. В силу жуткой занятости на съемках и выездных спектаклях она не приехала. Но прозвучали ее слова из интервью, записанного специально для вечера памяти:

Для меня, как и для всех вахтанговцев, Михаил Александрович по-прежнему жив. Потому что на двери до сих пор висит табличка с его именем. Потому что везде лежат его вещи. И потому что перед каждым спектаклем до сих пор включается запись — обращение к зрителям, в котором Михаил Александрович тихо, мягко, как может только он, благодарит всех «...за то, что пришли к нам в театр» и просит отключить мобильные телефоны.

А Александр Михайлов, пришедший на вечер с женой, вспомнил необыкновенную чуткость Михаила Ульянова к своей профессии, огромную ответственность перед ней:

— Когда ему вручали очередной орден, он уже был очень болен — плохо ходил, передвигался тихо и непременно с клюкой. И вот, когда объявили его, он тихонько, опираясь на клюку, посеменил к сцене. Но как только он увидел в зале людей, как только услышал аплодисменты, в нем проснулся артист. Забыв про боль, он отбросил в сторону клюку и уверенной походкой пошел к сцене. Потому что был действительно великим артистом.

Вечер проходил душевно. Но о паре моментов, неприятно поразивших, не могу не сказать. Во-первых, это подарки от спонсоров. Нет, подарки — дело хорошее, тем более для хороших людей. Но зачем вручать его на сцене — после таких высоких слов! И выглядело это так, словно актеры приехали сюда именно за этим. Кто-то от неожиданности брал пакет с парой бутылок горячительного и коробкой конфет и только за сценой понимал, что это, и недовольно смотрел на организаторов: «Ну зачем так-то?» А кто-то, к примеру, Александр Пороховщиков, отстранял руку подающего пакет: «Не надо — уберите это!» Он играл с Михаилом Ульяновым в фильме Станислава Говорухина «Ворошиловский стрелок», по сценарию был противником, в жизни стал другом.

— Я наслаждался каждой минутой работы с этим великим актером. Каждую свободную минуту старался проводить с ним — впитывать, слушать. Я ведь знал Михаила Александровича долгие годы — когда-то очень давно я работал в театре Вахтангова мебельщиком-реквизитором и параллельно учился на вечернем отделении театрального вуза. И профессиональный рост Ульянова проходил буквально на моих глазах. Хотя ростом это назвать нельзя — скорее, это было стремительное восхождение на вершину карьеры, популярности и зрительской любви, но главное — на вершину профессионализма. Михаил Александрович очень болел за культуру, говорил о ней с болью в сердце: «Саша, у меня в душе такой надлом — настоящий надлом». Конечно, в большей степени я видел причину такого настроения в болезни Михаила Александровича... Теперь понимаю: не в ней дело. Такие люди, как Ульянов, — это настоящие звезды в ботинке нашей жизни. Большие, яркие звезды — настоящие. К сожалению, уходят именно звезды. А болото остается.

А второй ошибочный, на мой взгляд, момент касался показа кадров с похорон Михаила Александровича. Во-первых, как начали тут же шептаться за кулисами, этим организаторы убили главную мысль вечера — что Ульянов жив в своем творчестве. А во-вторых... Ну слишком интимные моменты, что ли, были показаны... Мне это показало кощунством.

Алексей Баталов вышел на сцену под занавес мероприятия. Его встретили очень тепло. И он улыбался своей легендарной теплой улыбкой. Но на сердце была боль.

В этом году я похоронил двух самых близких своих друзей, — произнес Алексей Владимирович, — ушли из жизни Миша Ульянов и Кирилл Лавров. К сожалению, в последние годы в их по-настоящему большом творчестве не особо нуждались — в той телевизионной баланде, которая сложилась во всем мире, роль, функции и значение актеров, конечно же, сменились — появились звезды, интересные только с точки зрения секса... Ну, такое сейчас время, и бороться с ним бессмысленно. Но я верю: когда-нибудь все встанет на свои места. Потому что действительно русская манера игры, ярчайшими представителями которой были и Кирилл, и Миша, становится востребованной: подобно русскому балету, она проникает и распространяется по всему миру. И это вселяет надежду. Конечно, фильмов у Миши мало — меньше, чем должно быть. Это единственное, что осталось нам в память о нем. И я скажу вам, что таким, каким мы видим Мишу в фильмах, он и был в жизни — порядочным, добрым, открытым. Спасибо вам, дорогие мои, что, несмотря на опоздание, вы здесь — во имя него. Я точно знаю, что Миша, принадлежащий артистическому миру, видит это и понимает, что дороже этого у артиста нет ничего.

И этому голосу, этим словам зрители могли простить что угодно — в глазах стояли слезы, в горле — ком... Но это были добрые слезы. В память о великом артисте.

РИТА ДАВЛЕТШИНА.
Фото ЕВГЕНИЯ РУХМАЛЕВА.
Москва — Магнитогорск.

